

Святой Димитрій, митрополитъ Ростовскій, какъ пастырь и пасторологъ.¹⁾

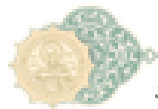
„Санъ священства отъ Господа на земли учиненъ есть не ради упокоенія и прохлады, но да множайшия труды Святитель подвѣллетъ выну, о вѣсѣхъ спасенія некійся“.

Св. Димитрій Ростовскій, соч. т. III.
М. 1835, стр. 340.

На сѣромъ будничномъ фонѣ человѣческой жизни, съ ея мелкими низменными интересами, среди обычной суеты и пошлости, подобно яркимъ звѣздамъ сияютъ отдѣльныя высокія личности. Своею жизнью—ея укладомъ, характеромъ и результатами—они ярко свидѣтельствуютъ о высотѣ человѣческаго призванія, о богатствѣ и красотѣ человѣческой природы, о ея мощныхъ силахъ и неисчерпаемыхъ дарованіяхъ. Вотъ почему мнѣ кажется, что моментъ, переживаемый нами сейчасъ, долженъ быть названъ не иначе, какъ великимъ свѣтлымъ праздникомъ. Это великій праздникъ торжества лучшихъ сторонъ человѣческой души, свѣтлый праздникъ побѣды ихъ надъ темнымъ царствомъ пошлости и зла.

Ровно двѣсти лѣтъ назадъ, въ этотъ день (28 октября) раннимъ утромъ три раздѣльныхъ удара соборнаго колоко-

¹⁾ Рѣчь, читанная 28 октября 1909 г. въ торжественномъ собраніи Академіи, посвященномъ двухсотлѣтней памяти (со дня блаженной кончины) св. Димитрія, митрополита Ростовскаго.

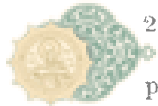
ла въ Ростовѣ прозвучали надъ городомъ печальною вѣстью о кончинѣ его великаго святителя—митрополита Димитрія. Его нашли коѣбнопреклоненнаго, „въ молитвѣ духъ свой Богу предавшаго“ ¹⁾. Такъ умеръ великій святой подвижникъ. Онъ желалъ, „да часъ смертный не въ праздности застанеть“ его ²⁾, и этого не случилось: онъ и почилъ въ трудѣ, среди подвига молитвы, въ послѣдней земной бесѣдѣ съ Отцомъ Небеснымъ. Да и могло ли быть иначе, если душа его всю жизнь влеклась туда, къ міру горнему, а жизнь эта была одинъ неустанный трудъ, одинъ непрерывный подвигъ!

Я не беру на себя задачи слѣдить за всѣми фактами этой замѣчательной жизни, отъ начала и до конца ея. Скажу только, что предъ многими здѣсь мы невольно останавливаемся, въ изумленіи предъ высотой понесенныхъ трудовъ и въ благоговѣйномъ умиленіи предъ святою чистотою ихъ.

Это раннее, еще юношеское стремленіе къ жизни духовной, созерцательной,—эти самостоятельныя, въ типѣ монастырской кельи, ревностныя занятія самообразованіемъ, это не знавшее усталости упоеніе высокимъ литературнымъ трудомъ и особенно трудомъ надъ житіями святыхъ, когда душа вивавшаго ихъ, вся захваченная предносившимися образами, переживала ихъ съ такою силою, что созерцала ихъ и въ недолгіе часы сна,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, чередуясь съ этимъ самоуглубленіемъ и одиночествомъ, частое выступленіе предъ людьми съ проповѣднымъ словомъ, хлопотливое завѣдываніе монастырями, въ должности настоятеля ихъ, въ различныхъ мѣстахъ и, наконецъ, полное высокой

¹⁾ Житіе иже во святыхъ отца нашего Димитрія митрополита Ростовскаго чудотворца. См. сочиненія св. Димитрія, ч. I, Кіевъ, 1824 г., стр. 24.

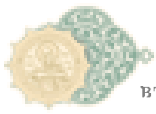
²⁾ См. „Дневныя записки“ св. Димитрія (Діаріушъ): подъ 8 ноября 1708 г. письмо его къ „пречестному отцу Феодору Поликарпову“. Сочиненія св. Димитрія, ч. I, стр. 349.

ревности и неустанного труда архипастырское служение въ Ростовѣ—о чемъ говорить такая жизнь? Предъ нами ясный обликъ души великой, богато одаренной. Мы видимъ пылливый, самоуглубленный умъ, не удовлетворяющийся поверхностнымъ объявленіемъ фактовъ и явленій окружающей жизни, а стремящийся къ высшему синтезу ихъ, къ конечному и твердому рѣшенію проблемы міра и человѣка; предъ нами человѣкъ сильной воли, преодолевающий всѣ препятствія, нерѣдко воздвигаемые жизнью на пути къ его высокой цѣли; вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ душу любящую, чуждую и тѣни гордости и самопревознесенія, не замыкающуюся въ своей излюбленной стихіи—въ высокихъ религиозныхъ подвигахъ и литературномъ трудѣ, а съ кроткою готовностью жертвующую и имъ тамъ, гдѣ это оказывается нужнымъ для блага ближнихъ...

Да, такая жизнь заслуживаетъ того, чтобы пресмотрѣться къ ней внимательно, прикинуть къ переживаніямъ этой души не умомъ только, но и благоговѣйнымъ сердцемъ. Но мы не будемъ слѣдить за всѣми трудами и подвигами св. Димитрія. Я ограничусь лишь послѣдними семью годами жизни его—въ санѣ митрополита Ростовскаго и еще частіе, я хотѣлъ бы вспомнить въ главнѣйшихъ чертахъ и охарактеризовать собственно пастырскую дѣятельность его здѣсь.

На свое высокое служеніе архипастыри ростовской епархіи святитель Димитрій вступилъ на 51-мъ году своей жизни, человѣкомъ не только уже вполне сложившимся, но и умудреннымъ богатымъ опытомъ предшествовавшей церковной дѣятельности. Поэтому вся сложность и трудность предстоявшаго ему дѣла были совершенно ясны для него. Въ то-же время его личные душевные качества—этотъ постоянный религиозный трепетъ души его, вмѣстѣ съ его кротостью и любовью къ людямъ—должны были, съ одной стороны, облекать ожидавшее его дѣло пастырства особымъ святымъ величіемъ, съ другой вливать

въ его душу живую струю чисто отеческой заботливости о вѣреннѣхъ его попеченію. И дѣйствительно, такіа именно черты пастырскаго облика святителя проявляются сразу, при первомъ-же выступленіи его предъ ростовскою паствою.

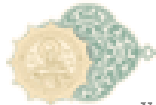
1 марта 1702 года, въ воскресенье третьей недѣли великаго поста новый митрополитъ Дмитрій, только что прибывшій въ Ростовъ, послѣ литургіи въ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ, обращается къ своей паствѣ съ первымъ привѣтственнымъ словомъ и въ немъ излагаетъ свой взглядъ на предстоящее ему дѣло, на свои пастырскія обязанности и на обязанности пасомыхъ по отношенію къ нему.

„Азѣ пріидохъ, говорить оутѣ, не да послужите мя, но да послужу вамъ... Пріидохъ къ вамъ съ любовію: рекъ быхъ, яко пріидохъ, якоже *отецъ* къ чадомъ, но паче реку: пріидохъ, якоже *братъ* къ братіи, якоже *другъ* къ любезнымъ другомъ... Аще же и отцемъ мя воззове, то азѣ Апостольски къ вамъ отвѣщаю: *чадца* моя, имъ же болѣзную, доиде же вообразится въ васъ Христосъ (Галат. IV, 19)“... Оутѣ „радуется духомъ“, приди въ этотъ городъ и видя свою новую паству, этотъ виноградникъ, насажденный десницею Вышняго и взрощенный „трудами прежде бывшихъ архіереевъ“. Оутѣ молитъ Владыку Христа, „да *ни едина* овца отъ сея Христовы и Богородичной ограды поидетъ въ заблужденіе и погибель“... При этомъ оутѣ ясно видитъ всю сложность и трудность предстоящаго ему дѣла. „Долженъ есмь, говорить оутѣ, немощи немощныхъ носити, и не себѣ угождати, но комуждо васъ во благое къ созиданію, ибо и Христосъ не себѣ угоди. Долженъ есмь вразумляти безчинныя, утѣшати малодушныя, заступати немощныя, долготерпѣливъ быти ко всѣмъ. Долженъ есмь добрыя любити, злыя же съ *милостивіемъ* наказывати, о всѣхъ пользѣ пе- щися, всѣмъ спасенія тщательно искати, о всѣхъ молити- ся“. Высота и отвѣтственность такого служенія заставляютъ

святителя принять его со страхомъ, „яко отвѣтъ воздати... имущи“. Но, съ другой стороны, эта же приводящая въ трепетъ высота подлежащей задачи дѣлаетъ слово его властнымъ и рѣшительнымъ: святитель твердо устанавливаетъ свое архипастырское требованіе отъ пасомыхъ, какъ ихъ прямой обязанности по отношенію къ нему,—любви, уваженія, повиновенія и ревностнаго исполненія его наставленій. Они должны его, „пастыря своего, знати, *любовь же нелицемѣрную, почитаніе неленостное и повиновеніе подобающее* являти и со усердіемъ творити“. Если онъ имъ отецъ, то и они по отношенію къ нему должны быть „*присни чада*“. „Аще изволитъ есть Христосъ, да буду въ васъ первенствуя: вы убо будете *кротцыи и смиренни* подъ управленіемъ первенствующаго“. Если онъ пастырь ихъ, то они должны быть „истинныя *овцы, овцы слушающіи, а не преслушающіи* гласа пастыря своего“ ¹⁾.

Итакъ, можно сказать, что и содержаніе и характеръ пастырской дѣятельности святителя Димитрія намѣчаются предъ нами уже въ этомъ первомъ вступительномъ словѣ его къ ростовской паствѣ. Задачу своего служенія онъ ставитъ широко и жизненно: пастырскія заботы его будутъ простираться на *всѣхъ* вѣренныхъ ему Богомъ словесныхъ овецъ, соотвѣтственно *разнообразнымъ* нуждамъ ихъ. Методы и средства пастырскихъ воздѣйствій его будутъ проникнуты духомъ любви и милосердія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и той строгости и рѣшительности, какая требуется высотой и отвѣтственностью его служенія. И тѣ семь съ половиною лѣтъ, какіе судилъ Господь митрополиту Димитрію „послужити“ землѣ Ростовской, являютъ намъ этотъ кроткій и вмѣстѣ строгій, но всегда неизмѣнно исполненный самой горячей любви къ людемъ пастырскій обликъ святителя во всемъ его величіи.

¹⁾ Соч. ч. I, стр. 36—38. Курсивъ мой.

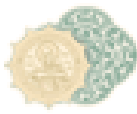

Можно, даже не справляясь съ историческими данными, напередъ съ увѣренностью сказать, въ какомъ состояніи нашелъ святитель тотъ виноградникъ, который порученъ былъ ему Богомъ. Его ростовская паства не могла составлять свѣтлаго исключенія среди того общаго мрака нищеты, невѣжества, нравственной разнузданности и дикости, религиозныхъ суевѣрій и расколовъ, въ какомъ пребывала тогда вся масса русскаго народа. Но и въ собственныхъ проповѣдяхъ святителя Димитрія мы находимъ яркую картину этого печальнаго во всѣхъ отношеніяхъ состоянія сго паствы.

Христа и Его царства, по слову святителя, нѣтъ нигдѣ: онъ не находитъ ихъ ни въ одномъ сословіи. Такъ, ихъ конечно нѣтъ въ лѣсахъ Брыняскихъ, среди раскольниковскаго лжехристіанскаго ученія, такъ широко распространившагося и такъ „утѣсняющаго и умаляющаго“ святую церковь¹⁾. Но нѣтъ ихъ и въ православныхъ христіанскихъ храмахъ, потому что „не изволяетъ обитати Господь, егда неблагоговѣйніи и не имущіи Божіа страха челоувѣцы домъ Его святой разбойническимъ дѣлають вертепомъ“. А такъ именно и бываетъ, по словамъ святителя, обыкновенно: и „людіе“, собравшіеся въ храмѣ „будто на молитву“, и сами „духовнаго чина лица“ ведутъ себя здѣсь не только не благоговѣйно, но и самымъ неурисойнымъ образомъ²⁾.

¹⁾ „Уже толь отъ расколовъ умалися самая истинная Соборная Церковь Апостольская, яко едва гдѣ истиннаго сына Церкви найти; едва бо не во всякомъ градѣ иная вѣкая особая избобрѣтается вѣра, и уже о вѣрѣ и простые мужики и бабы, весьма пути истиннаго незнающіе, догматизуютъ и учать, якоже о сложеніи тріехъ перстовъ глаголюще: не правый и ловый крестъ быти, и въ своемъ упорствѣ окаяншіи стоятъ, презрѣвши и отвергши истинныхъ учителей Церковныхъ. А нивіи аки бы и внутрь Церкви обрѣтаются, но коварно, образъ токмо имуще благочестія, силы же Его отмещущеса“. Соч. т. II. М. 1833, стр. 180.

²⁾ „Соберутся людіе въ церковь будто на молитву, а между собою молзвать и празднословзть о виѣшнихъ, или о кунзѣ, или о бранехъ, или

Нѣтъ Христа въ душахъ людей, именующихъ себя христіанами: здѣсь такъ же трудно найти Его, какъ „драгоцѣнный бисеръ во глубинѣ морстей, злата и серебра въ нѣдрахъ земныхъ“¹⁾... Нѣтъ Христа и въ „чистѣ духовномъ“, съ его честолюбіемъ и властолюбіемъ на высшихъ степеняхъ, съ нищетою, невѣжествомъ и недѣлятельностью на низшихъ. Нѣтъ Его и въ монастыряхъ, гдѣ „нынѣ все попортилося: ничего не стало, и чина не стало... Токмо клопотъ да ропотъ, печаль да воздыханіе“²⁾. Можетъ быть, Христосъ и царство Божіе сохранились въ простомъ народѣ? „Въ народѣ то, говоритъ свититель, самыя дѣлаются беззаконія, воровства, тѣбѣ, разбои, убійства, и иная премногая скверная дѣла, ихже не токмо глаголати, но и въ помыслѣ воспомянути стыдно есть“³⁾. Среди бояръ, князей и судей „на правдѣ посажденныхъ“... „на силу когда и бывалъ Христосъ... И правда въ нихъ скудна и милосердія нимало“... За то осьѣ „многаи богатства неправедная, собранная отъ грабленія, хищенія, отъ обидъ и слезъ людскихъ“⁴⁾. Не лучше

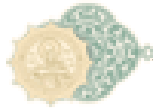
кого осуждаютъ, или ругаются кому, и хульными словесы добрую ближняго славу разбиваютъ... а нѣтъ стоя дремлетъ, а нѣтъ скверная и злая помысливаетъ, нѣтъ тѣбѣ, нѣтъ убійства, нѣтъ прелюбодѣяніе, нѣтъ гнѣвъ и мсть ближнему своему стоя во храмѣ мыслить... А иногда случается и то, что духовнаго чина лица, будучи пьяными, бранятся, сквернословятъ, дерутся во храмѣ и святомъ олтарѣ“... Соч. т. II, стр. 176—177. Ср. т. III, М. 1835, стр. 228. 230. 288. 432. Эта тема часто трактуется въ проповѣдяхъ святителя Димитрія. Очевидно, была въ этомъ настоящая нужда. Безчинства въ храмахъ вызвали даже особый указъ Петра въ 1712 г. Вѣроятно, сохранилась и та тяжелая гиря, которую онъ приказывалъ вѣшать на шею разговаривающимъ въ время богослуженія. См. у Ф. А. Терновскаго: „Русское проповѣдничество при Петрѣ I“. Рук. для с. п. 1870 г., т. III, стр. 212.

1) Соч. т. II, стр. 177—179.

2) Тамъ же, т. II, стр. 185. Эти хлопотливыя и печальныя времена настали для монастырей особенно послѣ возобновленія съ 24 января 1701 г. Монастырскаго приказа. См. въ изслѣдованіи проф. И. А. Шляпкина: „Св. Димитрій Ростовскій и его время“. СПб. 1891, стр. 298—317.

3) Соч. св. Димитрія, т. III, стр. 288. Ср. т. II, стр. 185.

4) Тамъ же, т. II, стр. 185—186; т. III, стр. 286.

ихъ и „торговые люди“, съ ихъ всегдашнюю ложью и обманомъ¹⁾. Такъ и не нашеть святитель ни въ одномъ классѣ ростовскаго общества Христа и царства Божіа и считаетъ ихъ обитающими развѣ только въ тѣхъ людяхъ нищихъ и убогихъ, невинно страдающихъ отъ притѣсненій со стороны власти имущихъ, которыхъ въ то время было такъ много на Руси. Это царство несправедливости и насилія съ одной стороны, забытости и полной безпомощной нищеты съ другой, очевидно, было хорошо знакомо ему, потому что онъ рисуеть его яркими чертами: „овыя въ послѣдней нищетѣ бѣдствующія, овыя голодомъ тающія, овыя на правехахъ бѣемая, овыя плачущія, въздыхающія, и уже едва въ иномъ душа въ тѣлѣ держится“²⁾... Въ другомъ мѣстѣ къ виновникамъ этихъ „обидъ, неправдъ, хищеній“ святитель обращается съ такими словами пророка Михея: „вы же до толка озлобляете нищихъ и убогихъ, людей невинныхъ, яко и ѡмжу съ нихъ одраге и кости ихъ стокосте, и содробисте плоти ихъ“³⁾...

Такая мрачная картина ростовской жизни, очевидно, еще слишкомъ мало затронутой началами христіанства, уже сама по себѣ ясно говоритъ о слабости или недѣятельности здѣсь людей, призванныхъ быть насадителями этихъ началъ, — пастырей церкви. И дѣйствительно, тѣ черты, какими изображаетъ самъ святитель Димитрій людей „духовнаго чина“ своей епархіи, показываютъ ихъ полную неспособность хоть сколько нибудь отвѣчать своему высокому назначенію. Повидимому, они даже мало чѣмъ и отличались отъ массы грубаго, невѣжественнаго простаго народа.

Такъ, святитель указываетъ на такихъ изъ нихъ (и вѣроятно, очень многихъ), „лиже весьма въ разумѣ книжномъ

¹⁾ Тамъ-же, т. III, стр. 288.

²⁾ Тамъ-же, т. III, стр. 289. Ср. т. II, стр. 191.

³⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 186.

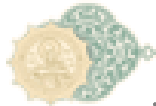

неискусны суще, *едва тѣмъ что прочести моужи, ниже что-мало разумюще* и отнюдь учительствовати не вѣдуще, со многимъ тщаніемъ ищуть и купують себѣ санъ священства и пастырства, не да души человѣческія уасутъ и спасутъ, но да сами насутся и почитаемы прославляются" ¹⁾. Идутъ на это высокое и святое дѣло люди невѣжественные, конечно, побуждаемые только низменными матеріальными разсчетами. „Что ты приведе въ чинъ священный? спрашиваетъ святитель Димитрій: толи дабы спасти себе и инѣхъ? Никакоже, но чтобъ прекормить жену и дѣти и домашнія.. Размотри себе всякъ, о священный человѣче! что ты мыслилъ еси, приходи въ чинъ духовный? Спасенія ли ради шелъ еси, или ради покормки, чѣмъ бы питать тѣло? Поискалъ Иисуса, не для Иисуса, но для хлѣба куса“.

Какихъ пастырей можно было ожидать изъ такихъ кандидатовъ священства? Они оказывались „не токмо овцамъ Христовымъ не въ созданіе, но ниже себѣ въ пользу, людемъ въ соблазнъ, себѣ же въ пагубу; инъ, взявъ ключъ разумѣнія, самъ не входитъ и входящимъ возбраняетъ; а инъ ниже ключа разумѣнія пріемъ, весьма недѣленъ въ званіи своемъ пребываетъ, не токмо вѣранныхъ себѣ овецъ во спасеніе не приводятъ, но ниже самъ пути спасенія разумѣній *сѣпнецъ слѣпцовъ водитъ* и купно въ яму впадаютъ“ ²⁾. Печальные результаты такого низкаго ценза кандидатовъ священства проявлялись въ видѣ поразительнаго невѣжества ихъ въ дѣлѣ священнослуженія, до цинизма грубаго отношенія ихъ къ совершаемой святыни и полной дикости нравственной. Вотъ нѣсколько яркихъ иллюстрацій.

¹⁾ Тамъ-же, т. III, стр. 531. „Что речемъ о тѣхъ, говоритъ святитель въ другомъ мѣстѣ, *ниже ни искусны, ни довольны ко пастырству, ни учия, ни житію добродѣтельнаго имущи*, многимъ попечевіемъ и святокупствомъ санъ той пріяти тщатся!“ Тамъ-же, стр. 543.

²⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 184.

Святитель Димитрій приходитъ въ ужасъ, узнавъ отъ своихъ ростовскихъ протопресвитера и протодіакона то, „еже сами они очима своими видѣша“. Въ одной церкви „попъ служилъ святую литургію безъ книги, Служебникъ нарицаемой, и безъ молитвъ служенію подобающихъ, токмо едины возгласы глаголя“... Когда же они спросили его, почему онъ такъ дѣлаетъ, священникъ отвѣчалъ: „уже и прочелъ служебныя молитвы въ дому“. Трудно рѣшить, чего здѣсь больше, — невѣжества ли или святотатственной дерзости; вторая, конечно, зависѣла отъ перваго, но важно то, что это былъ случай не единственный, не исключительный. Когда стали говорить этому священнику, „яко не добръ дѣетъ“, онъ сослался на авторитетный для него примѣръ другихъ *старыхъ* священниковъ: „азъ отъ старыхъ поповъ сего навыкохъ, и сказа по имени, отъ кого навыче“¹⁾ Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ весьма характерною чертою богослужебной практики, быть можетъ, довольно распространенною въ то время. А вотъ и еще примѣръ, опять взятый прямо изъ жизни и потому также очень характерный.

Въ 1702 г. на пути въ Ярославль святителю Димитрію случилось войти въ одну сельскую церковь. Желая поклониться Пречистымъ Христовымъ Тайнамъ, онъ спросилъ та мошняго священника о мѣстѣ храненія ихъ. „Попъ же той, рассказываетъ святитель, не уразумѣ словеса моего, и яко не домыслиаяй стояше, молча Паки рѣхъ: гдѣ Тѣло Христово? попъ же ни сего словеса познати можаше“. Когда же одинъ изъ бывшихъ съ митрополитомъ „искусныхъ“ священниковъ спросилъ его: „гдѣ запасть? тогда онъ изъемъ отъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь нелію святыню, на ню же Ангели смотреть со страхомъ“. Понятны чувства печали и возму-

¹⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 139.

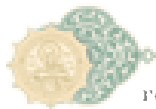

шенія у архипастыря, узнавшаго объ этомъ. „Держать бо тую толь великую Святиню,—пишетъ онъ по этому поводу въ своемъ окружномъ посланіи священникамъ своей епархіи,—не на подобающемъ мѣстѣ, но нѣгдѣво углѣ, а иногда въ домѣ безъ всякаго почитанія, и въ сосудѣхъ нечистыхъ очернѣлыхъ: а еже горѣ, яко ниже нарицанія имъ честнаго вѣдять“¹⁾. И въ данномъ случаѣ для насъ важна, конечно, самая основа такого, несомнѣнно, очень распространеннаго явленія. О чемъ говоритъ оно, какъ не о крайнемъ религіозномъ невѣжествѣ священниковъ епархіи митрополита Дмитрія, откуда исходило и это грубо-неблагоговѣйное отношеніе ихъ къ величайшей христіанской святости²⁾.

То же невѣжество, даіе, соединялось въ священникахъ ростовской епархіи съ общею грубостью нравовъ ихъ. Такіе пороки, какъ пьянство и грубое сквернословіе, повидимому, очень глубоко вкоренились среди духовенства, причѣмъ священники въ пьяномъ видѣ являлись совершать бо-

¹⁾ Тамъ-же, ч. 1, стр. 131. Это побуждаетъ его сдѣлать соответствующія распоряженія священникамъ въ такой яркой формѣ, прекрасно рисующей современную бытовую картину: „Пречистыя Христовы Тайны да не держитъ іерей въ храмѣхъ между клоамаи и гаракамаи и сперчыками, нѣже онъ самъ и домашніа его живутъ и почиваютъ, но въ святой церкви, и не на иномъ да держитъ мѣстѣ, токмо на престолѣ“. Если же „скорости ради къ больнымъ“ придется священнику имѣть ихъ у себя дома, „то въ особой кѣлти блюсти и на мѣстѣ честномъ, въ сосудѣ чистомъ и во всякомъ Богоподобномъ почитаніи“. Разнымъ образомъ и относительно наименованія онъ повелѣваетъ: „простое то нарицаніе записъ да оставится, Тѣло же Христово Тѣломъ Христовымъ да нарицается или инымъ коимъ честнымъ именованіемъ“. Тамъ же, стр. 132.

²⁾ Такъ понимаетъ это печальное явленіе и самъ святитель. „Пречистыя Христовы Тайны, повелѣваетъ онъ, іереи да не нарицають глѣмъ простымъ словомъ запелъ, понеже простого ради того нарицанія, *състраши сѣхъ издавна обикновеннаго*, поны препрестѣи и, *жають бити сущию аз пречистыхъ Тайнахъ истинною Христи Лои*, ниже вѣдять нарицати Тѣла Христова глѣтомъ Христовымъ, ниже почитаютъ то, яко тѣло Христово, но яко *прости лѣмъ безъ всякаго опасенія* нимаю бегуще о толикой святости, яже есть честіе и выше всѣхъ святынь церковныхъ“. Тамъ же, стр. 132. Курсивъ мой.

воспуженіе и вели себя въ алтарѣ самымъ непристойнымъ образомъ. „Не мнѣ же и о семъ болѣзную сердцемъ, ишеть святитель въ окружномъ посланіи, яко о пѣкнхъ попахъ (по достовѣрному доношенію) слышу, что по вчерашнемъ пьянствованіи не протрезвились, и похмельемъ одержиміи, ни приуготовльшеся къ служенію, дерзають литургисати, еже людемъ есть на соблазнъ, а самѣмъ таковымъ іереомъ на вѣчную погибель. Друзіи же зловравніи въ церквѣ и святомъ олтарѣ сквернословятъ, магерно бранящеся ¹⁾. . а иногда и дерутся“ ²⁾ Разрѣшая въ своей епархіи священство одному іерею, посвященному митрополитомъ Гласафомъ Лазаревичемъ, Святитель Димитрій находитъ нужнымъ сдѣлать ему между прочимъ такіи, очевидно, не лишніи предостереженія: „во пиршествахъ не увиватися ему до пьянства, и въ корчмы не входить, кощунство и смѣхотворенія не дѣяти, ниже пѣнія срамословныхъ пѣсенъ или игръ яковыхъ слушати или смотрѣти“ ³⁾. Эта грубость нравовъ и непристойное поведеніе людей духовнаго чина, между прочимъ, ставится на видъ святителю Димитрію и свѣтскою властью. Въ своемъ указѣ ему отъ 7 апрѣля 1705 года царь Петръ между прочимъ повелѣваетъ не давать понамъ и діаконамъ „отпускныхъ“ въ другія епархіи и у себя „ни откуда не принимать“, потому что такіе бродячіе поны совершаютъ тайно литургіи и всякія требы въ домахъ, а главное—„живучи въ домахъ („у людей всякаго чина“) праздно безчинствуютъ, увиваются, и сквернословятъ, и многіе не боящіися Бога имъ ругаются і біють ихъ, и от того в народѣ многое осужденіе і зазрѣніе, наипаче же от иностранныхъ збѣльное подсмѣяніе, а тѣмъ архіереомъ, которыми они посвѣщны, приносятъ великую укоризну“ ⁴⁾...

¹⁾ Тамъ же, стр. 140.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 258. Ср. г II, стр. 177

³⁾ См. у П. А. Шляпкина, цит. соч., стр. 296—297

⁴⁾ Тамъ же, стр. 316. Неволяно вспоминается здѣсь подобная, но еще болѣе яркая картина нравовъ русскаго духовенства того времени Труды Киевск. Дух. Акад. Т. I. 191 г.

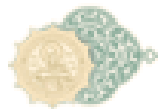
Прибавимъ сюда, наконецъ, перадѣніе, лѣность, проявившуюся по отношенію даже къ такимъ пастырскимъ обязанностямъ, какъ напутствованіе тяжело больныхъ, когда „мнози перадѣніемъ священниковъ безъ повѣди и безъ причастія Божественныхъ Таинъ“ умирали¹⁾. Съ другой стороны, повидимому, было обычно среди священниковъ злоупотребленіе своею пастырскою властью по отношенію къ таинству покаянія. „Пенскіе и злонравные“ между ними, по словамъ святителя Дмитрія, объявляютъ грѣхи, открытые имъ на исповѣди, и обличаютъ ихъ, а при случаѣ, „егда бывають пьяни, хвастають тщеславно дѣлами духовными, разсказывая, кто къ нимъ приходитъ на исповѣдь; если же за что нибудь разгнѣваются на нихъ, со укоризною носятъ имъ“, угрожая обличить грѣхи ихъ предъ всѣми²⁾.

Въ такомъ печальномъ состояніи представляются намъ и паства ростовская, избранная Богомъ попечительной му-

зой Духовнаго Регламентя, снятая составителямъ его, конечно, съ натуры. „Наблюдать падлежитъ, предписывается здѣсь: не безчинствуютъ ли священники и диаконы, и прочіи церковники, не шумятъ-ли по улицамъ пьяни, или что горшее, не шумятъ-ли пьяни въ церквахъ, не дѣлають ли церковное молебствіе двоугласно, не ссорятся ли по мужичью на обѣдахъ, не пьютъ-ли въ гостяхъ подтиванія (а сіе нестерпимое безудѣе бываетъ), не храбрятъ-ли въ бояхъ кулачныхъ, и за таковыя вины жестоко ихъ наказывать. Но и еіе прилежно имъ заповѣдать Епископъ долженъ, чтобъ хранили на себѣ благообразіе, а имено: чтобъ одѣяніе ихъ верхнее хотя убогое, но чистое было и единой черной, а не иной краски, не ходили-бы простовласы, не ложилися бы спать полулирами, не пили-бы по кабакамъ, не являли бы въ гостяхъ силы и храбрости къ пиву, и прочая симъ подобная: таковыя бо неблагообразія показываютъ ихъ быти ярыжными; а они поставлены пастырями и отцами въ народъ“. См. Духовный Регламентъ: Прибавленіе—„О пресвитерахъ, диаконахъ и прочихъ причетникахъ“, п. 28.

¹⁾ При этомъ такая ужасная доля вынадала главнымъ образомъ людямъ „убогимъ и нищимъ“: именно къ нимъ, по словамъ святителя Дмитрія, священники „не ходятъ ходити; токмо къ богатымъ ходятъ, а убогихъ и нищихъ презирають“. Сочиненія Св. Дмитрія, ч. I, стр. 109.

²⁾ Тамъ же, стр. 104.

дрости и любви святителя Димитрія, и пастыри ея, во главѣ которыхъ онъ сталъ, чтобы идти впереди ихъ и руководить ими въ общемъ дѣлѣ. Что же сдѣлано было имъ? Можно смѣло сказать, что и все свое время и всѣ силы души своей, за исключеніемъ часовъ религіознаго самоуглубленія, святитель отдалъ горячей заботѣ о своей паствѣ: трудился для нея непрестанно—и самъ лично, и старался всѣми мѣрами и средствами повліять на жалкихъ пастырей своей епархіи, поднять, воспитать ихъ и пробудить въ нихъ пастырскую ревность.

Много времени, труда и силъ требовала отъ митрополита официальная административная дѣятельность его по епархіи, особенно осложнившаяся со времени возобновленія Монастырскаго приказа и часто доставлявшая ему не мало хлопотъ и огорченій ¹⁾. Но эта сторона дѣятельности святителя не такъ цѣнна для насъ, при выисненіи пастырскаго облика его, хотя уже и въ ней видна его неустанная забота и о церковномъ благоустройствѣ своей епархіи, и о различныхъ нуждахъ ея ²⁾. Для насъ интереснѣе чисто пастырская, христіански воспитательная дѣятельность святителя. И вотъ она выражалась, прежде всего, въ проповѣди его.

Значеніе учительнаго слова пастырей было такъ ясно для него, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ полную неспособность въ этомъ отношеніи священниковъ своей епархіи и всѣ печальные результаты отъ этого. „Той душевный гладъ, гладъ слышанія слова Божія, жалуется онъ, зѣло превозможе въ епархіи нашей, понеже нѣсть сѣятелей духовнаго сѣмене, нѣсть и земли добрыя. Пшеть, глаголю, учителей,

¹⁾ См. у Н. А. Шляпкина, цит. соч., стр. 298—324.

²⁾ См., напр., наказъ его монаху Варлааму отъ 6 апр. 1705 г. въ изслѣдованіи Н. А. Шляпкина, прилож. III. Нельзя не отмѣтить при этомъ высокаго вѣст. жательности святителя Димитрія, не увеличившаго церковныхъ пошлннъ въ своей епархіи, не смотря на вопіющую, поразительную бѣдность его архіерейскаго дома. См. тамъ-же, стр. 326—328.

нѣсть и сердце удобныхъ ко пріятію"... „И не вѣмъ, кого первѣе оказати требѣ, свѣтелей ли, или землю? Іереевъ ли или сердца человѣческая? Свѣтели не свѣютъ, а земля не пріемлетъ; іерей не брегуть, а люди заблуждаютъ; іерей не учатъ, а люди невѣжествуютъ... Отъ обою страну худо: іереи глупы, а люди неразумны" ¹⁾)... Такое положеніе дѣла побуждало святителя тѣмъ съ большею ревностью относиться къ своей личной обязанности пастырскаго учительства. Уже давно навывшій въ этомъ, еще въ Малороссіи стяжавшій славу замѣчательнаго проповѣдника ²⁾, святитель Дмитрій теперь выступаетъ съ проповѣдью постоянно за богослуженіями и въ Ростовѣ и при своихъ поѣздкахъ по епархіи ³⁾. Это—періодъ, быть можетъ, наиболѣе напряженной проповѣднической дѣятельности его ⁴⁾. Уже почти на порогѣ смерти, 26 октябри, совершенно ослабѣвшій, онъ не въ силахъ самъ произнести за литургіей свое поученіе, которое между тѣмъ все же приготовилъ и къ этому дню: „читать же тое поученіе, отъ него самаго прежде приготовленное, по тетради единъ изъ пѣвчихъ“, говорится въ старинномъ житіи его. Святитель слушалъ сидя „при царскихъ дверѣхъ“ ⁵⁾. Съ такою ревностью и любовью относился онъ къ дѣлу проповѣди, очевидно, считал его одною изъ первыхъ обязанностей своего служенія. Въ результатѣ мы имѣемъ именно отъ этого ростовскаго періода наибольшее количество проповѣдей святителя.

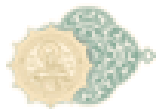
¹⁾ Соч. т. II, стр. 592—593.

²⁾ Слава эта началась уже въ Черниговской епархіи, гдѣ пробылъ святитель Дмитрій около двухъ лѣтъ (съ 23 мая 1675 г. по 11 іюня 1677 г.) въ должности проповѣдника при архіепископѣ Лазарѣ Барановичѣ, непосредственно послѣ рукоположенія въ іеромонаха. См. у проф. О. І. Титова: „Св. Дмитрій митрополитъ Ростовскій, бывшій ученикъ Киевск. духовной Академіи (1651—1709)“, К. 1909, стр. 8—9.

³⁾ Соч. ч. I, стр. 351.

⁴⁾ Н. А. Шляпкинъ, цит. соч., стр. 355.

⁵⁾ Соч. ч. I, стр. 23.

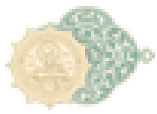
Во всѣхъ ихъ то болѣе, то менѣе ярко выступаетъ предъ нами одна черта, весьма важная именно для характеристики его пастырскаго облика, это—любовь святителя къ людямъ и неизмѣнное стремленіе помочь имъ быть лучшими, помочь и жизни ихъ стать лучшею и болѣе счастливою. Для этого ей нужна та христіанская основа, которой святитель не находилъ въ ней нигдѣ, ни въ одномъ классѣ общества; въ частности же—нужна любовь къ человѣку и особенно къ меньшему брату, къ людямъ низшаго сословія. Это излюбленная тема святителя Димитрія, скорбѣвшаго при видѣ тѣхъ неправдъ, обидъ и утѣсненій всяческихъ, какія причинялись людьми высшими простому народу въ его время на каждомъ шагу¹⁾. Возмущаясь и болѣя душою, онъ старается ободрить и утѣшить этихъ несчастныхъ надеждою благъ въ будущей жизни. „О человѣцы, въ послѣднихъ бѣдахъ страждущіи!... Вы есте новые послѣднихъ сихъ временъ мученики... Вамъ сплетаются небесніи вѣнцы, токмо не изнемогайте въ терпѣніи, но взирайте на страданіе Господа своего, большая за ны пострадавшаго... О новые страдальцы, страстотерпцы, мученики! Молю вы и увѣщаваю, не изнемогайте въ терпѣніи“²⁾... Добрая, лю-

¹⁾ Мы видѣли уже, какими яркими чертами рисуетъ онъ эту картину. Вотъ еще нѣсколько такихъ же штриховъ. То, что совершается въ отношеніяхъ между выснимъ классомъ и бѣдными крестьянами, святитель сравниваетъ съ пиромъ Иродовымъ. „Смотри, како пиръ совершается немилосердныхъ владѣтелей; по и вѣнцъ во многихъ господахъ чуть не также, поѣдаютъ и пьютъ кровавые труды человѣческіе, а бѣдныхъ крестьянъ своихъ немилосердно мучатъ; сѣдаютъ то люди Божія вмѣсто хлѣба; господамъ и до пресыщенія всего довольно есть, а крестьянамъ бѣднымъ и укроха худаго хлѣба не ставтъ. Сіи объедаются, а тіи алчутъ; сіи упиваются, а тіи развѣ водою жажду свою утоляютъ; сіи веселятся, а тіи плачутъ на правехахъ. Такоу пиръ господскъ, сѣдаютъ люди вмѣсто хлѣба“. Соч. т. II, стр. 488—489. Ср. еще объ отсутствіи любви и милосердія: тамъ-же, стр. 364. За то на страшномъ судѣ картина измѣнится: тамъ же, стр. 22.

²⁾ Соч. т. II, стр. 190—191.

бицаѣ душа пастыря, полная христіанскаго участія къ чело-
вѣку, сказалась здѣсь такъ ясно. Но инымъ опчѣ и не пред-
ставлялъ себѣ, какъ увидимъ ниже, истиннаго пастыря
церкви: въ такомъ печалованіи о нищихъ и убогихъ, за-
ступленіи обидимыхъ, помощи нуждающимся онъ видѣлъ
прямой долгъ служенія пастырскаго.

Мы отмѣчаемъ указанную черту въ проповѣдяхъ сви-
тителя Димитрія лишь какъ весьма характерную въ его
пастырскомъ обликѣ; но мы не углубляемся въ анализъ
всего содержанія его проповѣднаго слова: то полного благо-
говѣйнаго умиленія въ изображеніи любви Божіей къ чело-
вѣку, особенно тамъ, гдѣ приходилось проповѣднику опи-
сывать страданія за грѣхи человѣческіе Христа Спасителя, —
то проникнутаго строгимъ тономъ обличенія, когда святи-
тель касался явленій современной окружавшей его жизни
(что дѣлалъ онъ очень часто, безбоязненно и нелицемѣрно
подвергая суду закона Христова жизнь всѣхъ классовъ об-
щества, до царя включительно),—то глубоко проникавшаго
въ грѣховную душу челоѣка и, изобразивъ всю мерзость
порока, предлагавшаго тотъ путь къ высшему духовному
совершенству, который былъ такъ хорошо извѣстенъ его
собственной святой душѣ. Это слишкомъ большой вопросъ
самъ по себѣ, чтобы разсматривать его детально здѣсь въ
краткой рѣчи. Скажу только, что проповѣдное слово святи-
теля Димитрія всегда было словомъ истиннаго добраго па-
стыря, въ душѣ котораго даже и послѣ грозныхъ обличеній
не могла не звучать, какъ всегда господствовавшая въ ней,
мягкая, нѣжная струна милосердія и всепрощенія, а любовь
его къ людямъ и горячее желаніе помочь имъ въ добрѣ за-
ставляли его приспособлять свое ученое слово къ общему
пониманію: въ ростовскій періодъ проповѣдь святи-
теля Димитрія весьма замѣтно освобождается отъ пріемовъ схо-
ластики.

Но безъ сомнѣнія и столь ревностная проповѣдническая дѣятельность одного архипастыря была слишкомъ недостаточна для цѣлей христіанскаго вліянія на всю его огромную паству. И это прекрасно сознавалъ самъ святитель. Поэтому онъ старался найти и другіе пути къ уму и сердцу своихъ пасомыхъ. Такъ, въ простомъ народѣ его обширной епархіи не было твердаго знанія и самыхъ элементовъ христіанской вѣры, самыхъ основныя истинъ ея. И вотъ, съ цѣлью научить его¹⁾, упростивъ дѣло непосредственныхъ наставниковъ его пастырей приходскихъ, святитель Димитрій составляетъ родъ катихизиса подъ заглавіемъ: „Вопросы и отвѣты краткіе о вѣрѣ и о прочихъ ко знанію христіанину нужнѣйшихъ“. Символь вѣры и краткое изъясненіе его по членамъ, краткое „сказаніе о святыхъ вселенскихъ соборахъ“, ученіе о Богѣ, единѣмъ по существу и тринномъ въ лицахъ, объ Иисусѣ Христѣ, объ ангелахъ, о церкви, о заповѣдяхъ закона Божія, о семи таинствахъ и, наконецъ, краткій отдѣлъ „о добродѣтеляхъ“—такое содержаніе этого катихизиса святителя Димитрія²⁾. Но при этомъ интересно отмѣтить, что въ строго догматическіе тезисы его, впадающіеся въ вопросо-отвѣтной формѣ, по мѣстамъ вкрапливаются подробности чисто мѣстнаго современнаго характера, напр., направленныя противъ старообрядчества³⁾. Уже отсюда можно заключать о пастырскомъ характерѣ побужденій, вызвавшихъ составленіе этого катихизиса святителя Димитрія.

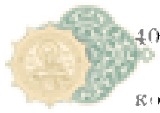
Далѣе. Старообрядчество, широко распространенное по ростовской епархіи и привлекавшее все новыя послѣдователей изъ православной паствы митрополита Димитрія⁴⁾—

¹⁾ Проф. Ф. І. Титовъ, цит. соч., стр. 27.

²⁾ См. соч. ч. I, стр. 34—77.

³⁾ См., напр., тамъ-же, стр. 44, 59, 63.

⁴⁾ Толкуя притчу о сѣятелѣ въ приложеніи къ раскольникамъ, онъ говоритъ между прочимъ: „доброе сѣмя слова Божія, сие учить не удалятися отъ святыя Церкви, придержатися же тоя, яко матере родившей

конечно, не могло не безпокоить его. Со всею пастырскою ревностью старался святитель лѣчить этотъ тяжкій недугъ своей церкви. Для этого въ своихъ проповѣдяхъ за бого-служениями и въ Ростовѣ ¹⁾, и при посѣщеніи другихъ городовъ своей епархіи ²⁾ онъ ставилъ иногда прямою темою своей бесѣды заблужденія раскольниковъ, подвергая ихъ подробному разсмотрѣнію и опроверженію; иногда затрагивалъ этотъ вопросъ и мимоходомъ, въ поученіяхъ на другія темы ³⁾. При этомъ въ своихъ обличеніяхъ тѣхъ, кого считалъ онъ страшнымъ зломъ для церкви, святитель принималъ иногда тонъ грозный и рѣшительный, какъ и вообще дѣйствовалъ съ пастырскою твердостью во всѣхъ случаяхъ, когда представлялась большая опасность чистотѣ вѣры православной въ его паствѣ ⁴⁾. Наконецъ, съ тѣми же пастырскими цѣлями наиболѣе широкаго распространенія правильныхъ христіанскихъ воззрѣній на расколъ, его заблужденія и вредъ для церкви, святитель написалъ и свой знаменитый „Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ“

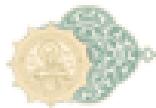
нашъ крещеніемъ святымъ; но плещи бѣсовскія, раскольники, издѣвшись отъ гнѣзда своего Брынскаго, позобоша то сѣмя, научивше многихъ бѣгати Святой Церкви, и гнушати святынь Божіихъ, джуще и прельщати простыхъ мужиковъ и бабъ, и глаголюще: уже нынѣ церковь не церковь, поны не поны“. И это „прельщеніе“ простецовъ въ вѣрѣ шло, повидимому, очень успешно. „Бѣсовскія птицы“, вывешіяся и расплодившіяся въ гнѣздѣ Брынскихъ лѣсовъ, оттуда разлетаются „во вся грады и вси зобати сѣмена словесе Божія и истребляти ученіе православныя восточныя церкви, и уже мало не вся сѣмена отъ всѣхъ сердечныхъ пивъ позобоша и истѣбиша: мало бо въ комъ зрится истинное благочестіе и православная вѣра“. Соч. т. II, стр. 59). Курскъ мой. См. еще тамъ же, стр. 180.

¹⁾ См. „Поученіе I на воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста Господня“ (Соч. т. III) и уже цит. поученіе „Ко препроному народу“ (Соч. т. II).

²⁾ Напр., въ Ярославль 19 и 23 ноября 1708 года. См. соч. т. I, стр. 351. Поученіе о четвероконечномъ крестѣ, сказанное 23 ноября, см. въ соч. т. II, стр. 491—505.

³⁾ См., напр., соч. т. II, стр. 173—174. 180.

⁴⁾ См. примѣръ, приведенный въ анонимномъ изслѣдованіи „Святыи Димитрій, митрополитъ Ростовскій“. М. 1849, стр. 70

Что это такъ, ясно видно изъ предисловія къ этому капитальному труду. „Браткую сію книжцу, говоритъ здѣсь святитель, *по должности моей* написахъ: находящимъ бо волкомъ на стадо, не подобаетъ пастырю сномъ одержиму быти. Должность архіерейская не молчати, но защищати честь таинства повелѣваетъ... Не долѣетъ нашему смиренію къ вамъ, о возлюбленніи, самыми токмо устными словесы бесѣду простирати, но и *писаніемъ полезная бесѣдовати подобаетъ*... Яже убо усты глаголю и ихже вы поучаю, то судихъ и писанію предати и въ епархію послати“¹⁾. И онъ успѣлъ сдѣлать это: оконченный въ первой половинѣ 1709 года²⁾ „Розыскъ“ былъ разосланъ въ спискахъ по епархіи³⁾.

Но еще задолго до начала этого труда, побуждаемый все тѣми же пастырскими заботами о возможномъ расширеніи христіански-воспитательныхъ средствъ среди своей епархіи, святитель Димитрій задумалъ составить въ краткихъ и понятныхъ для простаго народа чертахъ изложеніе главнѣйшихъ фактовъ исторіи—библейской и всеобщей. Къ тому побуждало его крайнее невѣжество не только народа русскаго, но и людей духовнаго чина, среди котораго „рѣдко кто... вѣдаетъ порядокъ исторій библійныхъ, что когда происходило“⁴⁾. Тому способствовали между прочимъ дороговизна и малая распространенность Библіи. Имѣя все это въ виду, святитель Димитрій со свойственнымъ ему увлеченіемъ, окрылявшимъ его мысль и побѣждавшимъ и самыя немощи физическія, начиная съ 1707 года, работаетъ надъ своимъ „Дѣтописцемъ“. Сочиненіе, задуманное „книжницею не зѣло великою и умѣренною, чтобы могъ всякъ

¹⁾ См. у И. А. Шляпкина, цит. соч., стр. 447. Курсивъ мой.

²⁾ По изслѣдованію И. А. Шляпкина - въ мартѣ мѣсяцѣ. Цит. соч. стр. 445. Ср. у пр. О. І. Титова, цит. соч., стр. 33.

³⁾ См. Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, М. 1849, стр. 76.

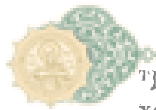
⁴⁾ Невѣжество это доходило до поразительной степени. См. соч. св. Димитрія ч. I, стр. 340.

недорого купить“¹⁾, скоро разрослось до обширных размѣровъ и не могло быть закончено авторомъ, уже при началѣ его слабѣвшими силами. Обширности его способствовать самый характеръ этого труда—не столько историческаго, сколько нравственно-воспитательнаго, что вполне понятно при чисто пастырскихъ побужденіяхъ, руководившихъ авторомъ. „Намѣреніе наше, писалъ онъ объ этомъ отцу Феодору Поликарпову (8 ноября 1708 г.), не только въ исторіяхъ углублятися, елико въ *нравоученіяхъ и толкованіяхъ Святаго Писанія* поучатися. И аще быхъ писалъ чиномъ исторіографскимъ, то уже бы совершилъ начатое... *Моему сану* (его же нѣсмь достоинъ) *належитъ слово Божіе проповѣдати, не точію языкомъ, но и пишущюю рукою. То моръ дѣлаю, то моръ званию, то моя обязанность* Пашу убо Господу споспѣшествующу, *нравоученія, мѣстами же толкованіе* Писанія Святаго, елика могу немоуныи: а исторіи, аже въ Библіяхъ, *только вкратцѣ, вмѣсто оныхъ* полагаю, и отъ тѣхъ аки отъ источниковъ *струи нравоученія* произвожду“²⁾. Отсюда—та сборность и нестрога содержанія „Лѣтописца“, въ которой какъ бы оправдывается святитель предъ своимъ другомъ митрополитомъ Стефаномъ Йворскимъ, которому посылалъ отдѣльныя части „Лѣтописца“ на просмотръ. „Мню же, мало кому понравится сей мой трудъ, пишетъ онъ, понеже въ немъ, какъ въ збитію русскомъ, мѣшанина: и исторія, и будто толкованійде нѣкое.. изрѣдка мѣстами, и индѣ *нравоученійде*“³⁾... Однако оцасенія скромнаго автора были напрасны: именно такой характеръ сочиненія, подсказанный святителю его горячею любовью къ народу, знаніемъ духовныхъ нуждъ его и пастырскою заботою объ удовлетвореніи ихъ, и была причиною особенной популярности этого

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, стр. 348. Курсивъ мой.

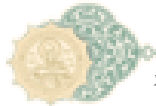
³⁾ Тамъ же, стр. 341. Письмо отъ 11 декабря 1704 года.

труда св. Димитрія. „Лѣтописецъ“ пропикнуть тѣмъ же духомъ, что и проповѣди святителя. Въ немъ такъ же бо-лѣть своєю любящею душею великій архипастырь о нравственныхъ недугахъ своихъ пасомыхъ, такъ же, тѣми же чертами изображаетъ всѣ эти „грабленія, хищенія, озлобленія неповинныхъ, кривосудства, немилосердства“, гордость, развратъ и т. д. Тотъ же и тольъ обличенія ихъ. Но есть здѣсь и много другихъ темъ самаго разнообразнаго характера, полезныхъ въ обиходѣ русскаго человѣка того времени; есть и мѣста, исполненные глубокаго лиризма. Не удивительно, что сочиненіе это, напоминающее по своему духу и по внѣшнимъ приѣмамъ изложенія и древне-русскія „пчелы“, и старую русскую лѣтопись, пришлось особенно по душѣ русскому человѣку: въ такомъ большомъ количествѣ списковъ, какъ „Лѣтописецъ“, не дошло до насъ ни одно изъ произведеній св. Димитрія ¹⁾.

Такъ трудился надъ своимъ великимъ дѣломъ, насажденія свѣтлаго царства Христова въ окружавшемъ его царствѣ мрака духовнаго святитель Димитрій самъ лично. Отъ него, какъ отъ яркаго свѣтильника, поставленнаго высоко на свѣщникѣ обширной ростовской паствы, исходили обильные лучи духовнаго христіанскаго свѣта. Концентрируясь въ Ростовѣ, они расходились оттуда струями по всей его епархіи и могли бы озарять даже отдаленнѣйшіе уголки въ ней, если бы были для того необходимыя благопріятныя условія. Однако этого именно и не было. Нужны были для этого достаточные надежные проводники свѣта ученія Христова въ массы народа, а ихъ то и не нашлось святителю Димитрію въ ростовской епархіи. Мы уже видѣли, что представляли подначальные ему люди духовнаго чина, призванные быть сотрудниками его. Что могли сдѣлать эти убогіе, невѣжественныя пастыри? А между тѣмъ, безъ нихъ что

¹⁾ И. А. Шлякинъ, цит. соч., стр. 425—430.

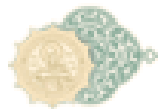

могъ сдѣлать архипастырь ихъ одинъ, дѣйствуя только самъ лично? Итакъ, въ томъ же пастырскомъ дѣлѣ сама собою выдвигалась предъ святителемъ неизбежная задача огромной важности и вмѣстѣ съ тѣмъ трудности—*воспитати самихъ пастырей* своей епархіи: не только дать имъ въ руки удобныя для ихъ дѣла средства и пособія, но по возможности довести и ихъ самихъ до той степени развитія, когда они были бы и способны пользоваться этими средствами и желали сдѣлать это. Могъ ли такой архипастырь, какъ святитель Димитрій, съ его умомъ, образованіемъ и горячею пастырскою ревностью, не увидѣть этой задачи предъ собою? Онъ сразу и понялъ ее и принялся всѣми мѣрами исполнять ее.

Корень всему этому пастырскому настроенію въ его епархіи—неподготовленность, „неученость“ пастырей. Итакъ, нужно и лѣчить недугъ въ самомъ корнѣ его. Для этого, конечно, нужны школы, которыя давали бы хоть элементарное образованіе будущимъ пастырямъ. Такъ именно и смотритъ на дѣло святитель Димитрій. 1 марта 1702 года онъ прибылъ въ Ростовъ, а 1 сентября уже открылись занятія въ учрежденной имъ школѣ для кандидатовъ священства ¹⁾. Такъ глубоко сознавалъ онъ нужду въ „наученіи книжномъ“ будущихъ пастырей и съ такою горячею энергіей сразу же, едва вступивъ въ управленіе ростовскою епархіей, принялся за посильное удовлетвореніе ея своими личными стараніями ²⁾.

¹⁾ См. у И. А. Шляпкина, цит. соч., стр. 329.

²⁾ О прямой цѣли, какую имѣлъ въ виду при этомъ святитель Димитрій, въ старинномъ житіи его такъ говорится: „святый Димитрій, дабы дѣти священно и церковно служительскіе не были также невѣждами, какъ и отцы ихъ, и егда вмѣсто отцевъ своихъ сподобятся священническаго или діаконскаго сана, разумѣли бы силу чюмага ими Божественнаго писанія и умѣли бы въ церкви поучати народъ, не токмо книжнымъ чтеніемъ, но и наизустнымъ слова Божія сказываніемъ, за-

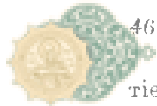
Открытая близъ архіерейскаго дома въ ростовскомъ кремлѣ школа эта предназначалась главнымъ образомъ для дѣтей священниковъ епархіи. Последніе *должны были* отпирать сюда своихъ дѣтей для „безденежнаго“ ¹⁾ обучения, о чемъ дѣлались спеціальныя указы поповскимъ старостамъ. Но были ученики и изъ другихъ сословій, и школа отнюдь не была узко-сословною ²⁾. Та интересная картина обучения и нѣкоторыхъ школьныхъ обычаевъ и порядковъ здѣсь, какую изображаетъ въ своемъ изслѣдованіи проф. Н. А. Шляпкинъ, даетъ основаніе предполагать, что святитель Димитрій пересадить въ Ростовъ многое изъ той школы, какую прошелъ самъ въ отроческіе годы,—изъ нашей древней кievской коллегии. Однако самый духъ школы—тѣ простыя семейныя отношенія, какія царили здѣсь, при „полномъ отсутствіи служебной формальности и іезуитизма“, эта характерная черта внутренней жизни школы святителя Димитрія, такъ пріятно поражающая насъ, носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ личности самого основателя ея. Въѣхъ и сюда онъ вложилъ прекрасную душу свою—свою любовь, свой умъ и свою кипучую энергію. Ростовская школа—это было его созданіе, его родное дѣтище, осуществленіе его дорогой мечты. Естественно поэтому, что ея развитіе и преуспѣяніе были предметомъ самой горячей заботы для святителя Димитрія. Онъ выпалъ, повидимому, во все стороны ея жизни.

Такъ, онъ внимательно слѣдилъ за учебною частью въ школѣ: „часто посѣщая оныя училища, самъ учениковъ слушать и въ успѣхахъ пробовать“. Мало того, онъ самъ принималъ близкое участіе въ дѣлѣ преподаванія: „за отбы-

вель въ Ростовѣ семинарію“. . Соч. ч. I, стр. 14. О томъ же и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится и въ окружающемъ постановіи святителя Димитрія. Соч. ч. I, стр. 141.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Н. А. Шляпкинъ, цит. соч., ст. 329—330.

тѣмъ учителию оную должность на себя воспринимать“; образовалъ группу изъ болѣе способныхъ учениковъ и занимался съ ними „въ свободныя отъ дѣлъ церковныхъ часы“ толкованіемъ Священнаго Писанія, причемъ лѣтомъ занятія эти переносились въ село Демьяны, гдѣ въ это время обыкновенно жилъ святитель ¹⁾. Онъ же хлопочеть о пріобрѣтеніи книгъ для своей школы ²⁾; внушаетъ наставникамъ учить тщательнѣе; о болѣе прилежныхъ ученикахъ велитъ докладывать ему; награждаетъ ихъ деньгами и другими подарками, а на лѣтнія вакаціи беретъ къ себѣ въ село ³⁾. Съ чисто отеческою заботою относится онъ и къ учителямъ ⁴⁾. Воспитательная часть школы, особенно вслѣдствіе коренной цѣли ея—служить разсадникомъ будущихъ пастырей церкви, конечно, не могла не интересоваться основателя ея. Религіозно-нравственное воспитаніе учениковъ ея—предметъ особенной заботы святителя Димитрія. Во время личныхъ посѣщеній семинаріи онъ самъ наставляетъ учениковъ въ добромъ поведеніи ⁵⁾. Онъ же устанавливаетъ, чтобы въ воскресные и праздничныя дни питомцы его школы непременно бывали въ соборной церкви на богослуженіи—за всенощнымъ бдѣніемъ и литургіею, причемъ, повидимому, самъ строго слѣдитъ и за аккуратностью посѣщенія богослуженій учениками и за тѣмъ, чтобы они „со страхомъ въ храмѣ стояли, внимая поемому и чтятому“. Во время постовъ онъ самъ исповѣдывалъ и пріобщалъ ихъ святыхъ Таинъ. Самъ проникнутый до глубины души вѣ-

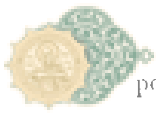
¹⁾ Соч. ч. I, стр. 14. Можетъ быть, и въ Шостаково и въ Канцѣ. См. Ярослав. Еп. Вѣд. 1863 г. № 35, стр. 347.

²⁾ Н. А. Шалякинъ, цит. соч., стр. 347.

³⁾ Ярослав. Еп. Вѣд. 1863 г. № 25, стр. 243—244 и № 35, стр. 347. Забота святителя объ ученикахъ своей школы сопровождала ихъ и по выходѣ изъ нея. См. тамъ же № 26, стр. 252—253.

⁴⁾ Н. А. Шалякинъ, цит. соч., стр. 350—351.

⁵⁾ Соч. ч. I, стр. 20. Ярослав. Еп. Вѣд. 1863 г. № 25, стр. 244.

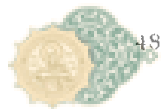

рою въ Бога и любовью къ Нему, онъ вносить эту благодатную религиозную струю и въ свою школу. Такъ, будучи болель, онъ посылаетъ въ семинарию и велитъ ученикамъ читать молитву Господню „по пяти краиъ“ — „на воспомина- ние пяти явъ Христовыхъ“. „И тогда бывало ему оград- нѣ“, говорится въ жизни его ¹⁾ Дурное поведение учени- ковъ доставляетъ ему глубокое огорчение. „Печалось зѣло и гнѣвался на васъ, пишеть онъ имъ по поводу дошед- шихъ до него слуховъ объ этомъ и грозитъ поставить имъ такого строгаго „сенѣара“, который станетъ примѣнять къ нимъ и послѣднюю мѣру наказанія плетку ²⁾ Строгость по тому времени зноиѣ обычна, самый же тонъ письма святителя лучше всего свидѣтельствуеть объ некрѣпкомъ отеческомъ отношеніи его къ своимъ питомцамъ, чуждомъ и тѣмъ сухого чересчато формализма. Въ школѣ, въ об- щемъ, примѣнялась дисциплина мягкая, ученикамъ предо- ставлено было много свободы; часы досуга заполнялись разумными удовольствіями, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимали театральныя представленія. И здѣсь сказа- лась свѣтлая, богато одаренная личность святителя. Димит- рия И къ театру своей школы онъ относится съ большимъ интересомъ: самъ пишетъ для него религиозныя драматиче- скія пьесы и, вѣроятно, корректировалъ написанныя учите- лями школы. Изъ литературныхъ произведеній этого рода, принадлежащихъ святителю Димитрію, мы видимъ, что душѣ его была присуща и поэтическая струя, общи же тонъ пѣть одинаковъ со всѣми произведеніями его — это все та же любовь къ человѣку, особенно къ нищему бла- ту и милосердіе къ грѣшнику ³⁾

¹⁾ Соч. ч. I, стр. 14 и 20.

²⁾ И. А. Цяткичъ, цит. соч., стр. 343.

³⁾ См. въ изслѣдованіи проф. Н. И. Петрова: „Киевская иудействен- ная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая“ Тру- ды К. Д. А. 1909 г. октябрь. Весьма характерною представляется и та- кая маленькая подробность въ этомъ, повидимому, весьма близкомъ учи-

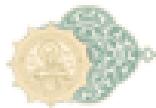
Но питомникъ, насажденный и взлелѣивый столь заботливою рукою, существовать недолго. Монастырскій приказъ мало заботился о поддержаніи школьнаго дѣла и помимо того—обрушился на церковныя имущества такими непомѣрными сборами на военныя нужды того времени, что привелъ многія архіерейскія каѳедры къ крайнему обнищанію. Вотъ что пишетъ святитель Димитрій Іову Новгородскому 10 декабря 1706 года: „попущеніемъ. Божіимъ сотворшаяся дому архіерейскому скудость и оставшася учении, понеже вознегодоваша питающіи насъ, аки бы многая исходитъ на учителя и ученики издержка и уже вся та, чѣмъ дому архіерейскому питатися, отъ насъ отнята суть... Оскудѣвъше убо во всемъ, оскудѣхомъ и во ученіи“¹⁾. Такъ, это прекрасное дѣло святителя Димитрія должно было прекратиться: въ 1706 году съ осени школа ростовская уже не открывала своихъ занятій

Изякъ источникъ образованія для кандидатовъ священства, но не иззякла пастырская энергія святителя Димитрія. На его рукахъ была огромная ростовская паства, а во главѣ ея новѣжественные и недѣятельные пастыри. И вотъ, святитель стремится всѣми мѣрами вліять на этихъ послѣднихъ. Для этого помимо личныхъ устныхъ наставленій,—куда представлялся къ тому случай²⁾,—онъ пишетъ нарочитыя окружныя посланія духовенству своей епархіи по поводу тѣхъ или другихъ недостатковъ его. Съ содержаніемъ двухъ такихъ посланій его, сохранившихся до насъ,—1) по поводу злоупотребленія священниковъ таинствомъ

свѣтъ святителя Димитрія къ театру своей школы. Для костюмовъ дѣйствующихъ лицъ (вѣроятно, въ „Рождественской драмѣ“, представленной 24 дек. 1702 г.) онъ разрѣшилъ употребить старыя ризы прежнихъ архіереевъ, что послужило поводомъ для жалобы на него царю Петру со стороны нерасположенного къ нему стольника Воейкова и отвѣтнаго царскаго указа. См. у И. А. Шляпкина, цит. соч., стр. 359—360.

¹⁾ И. А. Шляпкинъ, стр. 338—339.

²⁾ Пр. Ф. Титовъ, цит. соч., стр. 23.

покаянія и 2) неблагоговѣйнаго отношенія ихъ къ Тайнамъ Христовымъ—мы уже отчасти знакомы. Указывая на эти тяжкіе грѣхи пастырей своей епархіи, святитель раскрываетъ всю отвѣтственность ихъ предъ Богомъ и старается подѣйствовать на нихъ всѣми мѣрами—обличеніемъ, разумленіемъ, увѣщаніемъ. Онъ то грозитъ имъ гнѣвомъ и судомъ Божиимъ, а также и своимъ наказаніемъ¹⁾, то горько скорбитъ о нихъ своимъ сердцемъ²⁾, то кротко умоляетъ ихъ³⁾. Душа пастыря любящаго, но и строго блюдущаго свой долгъ, сказалась здѣсь вполне. При этомъ печальныя явленія, вызвавшія пастырскіе посланія святителя Димитрія, подвергаются имъ подробному разсмотрѣнію и уясненію, съ наставленіями, широко затрагивающими не только эти, но попутно и нѣкоторые другіе вопросы пастырскаго служенія.

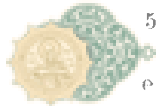
Такъ, относительно таинства покаянія святитель подробно и со всею убѣдительностію уясняетъ, „что есть тайна исповѣди“, почему пастырь не имѣетъ права открывать

¹⁾ Такъ, священника, открывающаго грѣхи, повѣдаемые ему на исповѣди, святитель Димитрій называетъ „Богопротивникомъ, разорителемъ тайны Божія, насильникомъ печати Святаго Духа“ и говоритъ, что „таковой... страшному суду Божию и вѣчной казни подпадаетъ, и ждетъ его вѣчная мука со Іудой предателемъ Христовымъ... Таковымъ духовникъ не духовникъ, но Іуда, Христовъ предатель, паче же рещи, самъ сатана, клеветникъ брати нашея“... „Таковымъ имать подыти *отъ насъ* судъ и наказаніе грозное, яко непокорный Богу и нашему архіерейскому увѣщанію противенъ“. Соч. ч. I, стр. 106—107 109. „О безстрашіи и небреженіи, говоритъ онъ о священникахъ, служившихъ литургію безъ Служебника: о пагубы ихъ вѣчныя! Коль веліе есть долготерпѣніе Божіе, яко не падеть огонь съ высоты на таковыя поны и не сожжетъ я живы на тѣхъ же мѣстахъ, идѣже тако литургисають“... Тамъ же, стр. 139.

²⁾ „И возболѣзновахъ о томъ сердцемъ попремпогу“... „Не мнѣ же и о семъ болѣзную сердцемъ“... Тамъ же, стр. 131 и 140. См. еще стр. 104, 130 и др.

³⁾ „Сія вамъ предлагаю, о іереи, чюлю вы увѣщавая и увѣщавая чю ми, да престаите такового оезумнаго злоявія и пагубныя дерзости“... „Примите убо сія съ любовію“... Тамъ же, стр. 108 и 141.

Труды Киевской дух. Академіи. Т. I. 1910 г.

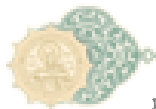
се, какъ долженъ онъ относиться къ ней и къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ несоблюденіе этой тайны для самого духовника и для исповѣдывающихся у него ¹⁾. Здѣсь же, даѣе, по поводу нерадѣнія пастырей о напутствованіи больныхъ и особенно „людей нищихъ и убогихъ“, святи-тель „заповѣдію Бога нашего заповѣдуетъ іереомъ, да вса-чески пекутся о спасеніи душъ человѣческихъ, во дни и въ нощи, не презирающе убогихъ и нищихъ, но равно яко же о богатыхъ, тако и о тѣхъ радяще“ ²⁾.

Въ другомъ посланіи онъ даетъ подробныя наставле-нія пастырямъ касательно не только благоговѣйнаго отно-шенія къ св. Тайнамъ Христовымъ и храненія ихъ, но и всѣхъ сторонъ приготовленія къ таинству причащенія, так-же о хлѣбѣ и винѣ для него, о настроеніи при совершеніи его и послѣ него, о благоговѣйномъ отношеніи къ храму, содержащему его въ чистотѣ и т. п. Здѣсь же опять вну-шается пастырямъ, какъ основной долгъ служенія ихъ, не-обходимость непресланнаго попеченія ихъ о спасеніи вѣ-рющихъ имъ: „о спасеніи душъ человѣческихъ, пишетъ свититель, *всѣми видами во дни и въ нощи* іерей пещися дол-женъ, яко же и о своей душѣ; дабы его небреженіемъ не погибли словесныя овцы Христовы, за няже ему отвѣтъ Христу Богу дати въ день судный“ ³⁾. Поэтому онъ дол-женъ „по вся воскресные и праздничные дни“ поучать на-родъ „въ церкви отъ святыхъ книгъ, прилагая и *отъ своего разума* словеса полезная, елико будетъ возможно“. А чтобы это послѣднее—наученіе народа „не точію книжнымъ чте-ніемъ, но и наизустнымъ слова Божія сказаніемъ“—дѣй-ствительно стало возможнымъ, святитель здѣсь же убѣж-даетъ священниковъ своей епархіи заботиться о надлежа-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 104—108.

²⁾ Тамъ-же, стр. 109—110.

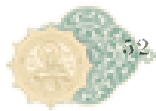
³⁾ Тамъ-же, стр. 140. Курсивъ мой.

щемъ образованіи своихъ дѣтей: учить ихъ „грамотѣ гораздо“ и отправлять „въ училища грамматическія въ Ростовъ“. Но тѣ „преступныя, безкнижныя“ люди, изъ которыхъ состояло огромное большинство ростовской паствы святаго Димитрія, нуждались и въ самомъ элементарномъ религіозномъ обученіи: они не знали даже главнѣйшихъ самыхъ простыхъ молитвъ. И вотъ, святитель вмѣняетъ въ обязанность священникамъ научить народъ, „да умѣютъ молитву Іисусову, Царю Небесный, Трисвятое, Отче нашъ, Вѣрую во единого Бога, Богородице Дѣво, Достойно“ (малоспособные хотя бы три молитвы: „Іисусову, да Отче Нашъ, да Богородице Дѣво“), причемъ имъ рекомендуется и простой способъ для этого: „іерей по вся воскресныя и праздничныя дни, по совершеніи святаго литургіи и по прочтеніи книжнаго поученія, да повелитъ всему простому народу, въ церкви обрѣтающемуся, мужемъ и женамъ и дѣтемъ, яко да по немъ вси аки единымъ устомъ глаголютъ, онъ же да начинаеть, сказуя по единой точцѣ, наченъ отъ молитвы Іисусовы“...¹⁾.

Но кромѣ этихъ нарочитыхъ архипастырскихъ посланій своихъ, святитель Димитрій не разъ останавливается на вопросѣ о пастырскомъ служеніи и въ своихъ проповѣдяхъ. Здѣсь мы находимъ ясно очерченный идеаль „пастыря добраго“ и прежде всего—архипастыря, какъ призваннаго осуществлять этоть идеаль наиболѣе, по преимуществу, итти впереди всѣхъ пастырей своихъ. Вотъ основныя черты этого идеала, какъ нанечатѣлся онъ въ душѣ самого святаго Димитрія.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 140—141. Побуждаемый іѣмъ же долгомъ непрестаннаго попеченія о спасеніи вѣранныхъ ему душъ, священникъ, по наставленію святаго Димитрія, обязанъ учить и располагать народъ къ частому покаянію и причащенію св. Таинъ,—что особенно обязательнымъ считаетъ святитель для семьи самого священника—для его жены, дѣтей и всѣхъ домашнихъ. Тамъ-же, стр. 135.

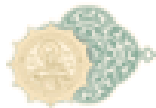
„Не можетъ кто добрымъ пастыремъ быти, говорить оны, прежде, даже не соговорится первѣ самъ доброю овцею Христовою“, потому что и Христосъ „отъ агнчества възде на пастырство“. Итакъ, истинному пастырскому служенію должна предшествовать работа надъ собственною душею, направленная къ тому, чтобы спачала себя сдѣлать „доброю овцею Христовою“, и работа эта, по ученію святителя Димитрія, должна начинаться съ юности: „велико и преславно есть сіе дѣло, еже въ юности прилѣпиться Богу, то бо всего добродѣтельнаго житія бываетъ твердое основаніе“ ¹⁾. Нужно ли говорить, какою строгою убѣдительностью должно было звучать это требованіе въ устахъ святителя Димитрія, съ юныхъ лѣтъ отдавшаго на служеніе Богу все силы души своей! Засимъ, слѣдуя евангельской притчѣ Христовой, „добрый пастырь“ характеризуется у него тремя чертами.

Первая—„аще двѣрми во дворъ овчій вниде, а не нудѣ прелѣзе“. Что это значить? „Іераршества санъ“ долженъ быть получаемъ „по благоволенію самого Христа“. Кіо же не „по изволенію Христу, но по мздѣ и помощи мѣрскихъ властей дарами удобренныхъ и коимъ либо коварствомъ святительства санъ пріемлетъ, той тать есть и разбойникъ, а не пастырь: тать, ибо крадетъ тайнокупствомъ санъ святительскій; разбойникъ, ибо грабитъ овцы своя, да обогатится; не пастырь, ибо не овцы пасетъ, но себѣ самаго питаетъ, да утѣетъ и отолстѣетъ“ ²⁾. И такихъ примѣровъ,—„лицъ, иже властолюбіемъ и славолюбіемъ побѣждаемы, сами власти себѣ ищутъ... не по жребію, отъ рукъ Божіихъ пріемлемому, но по взыскуемой, паче же по купуемой у челоувѣковъ благодати“ ³⁾,—такихъ примѣровъ, нужно

¹⁾ Соч. т. III, стр. 68—70.

²⁾ Тамъ-же, стр. 74.

³⁾ Соч. т. III, стр. 338—339.

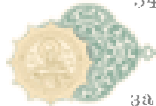
думать, въ то время среди архипастырей было достаточно потому что къ этому печальному явленію съ великою укоризною возвращается святитель не разъ въ своихъ поученіяхъ¹⁾.

Другая евангельская черта пастыря доброго—„еже предѣ овцамъ, а не позадь овецъ ходити“, т. е. „первѣйшу ему быти во всѣхъ добродѣтеляхъ... яко да будетъ онъ образъ овцамъ, а не овцы ему“... Стыдно пастырю, если „овцы его предваряютъ въ подвижѣхъ и Богоугодженіяхъ“. И святитель рисуетъ яркую картину такого обратнаго порядка нравственной жизни пастыря и пасомыхъ, опять очевидно снятую съ натуры²⁾. Это требованіе отъ архипастыря образцовой добродѣтельной жизни, нравственнаго совершенства святитель Димитрій ставитъ особенно высоко. „Не доброесть архіерею, говоритъ онъ, не имѣти во устахъ слова учителю нарицагися, а не учити... горше же есть не имѣти архіерееви житія доброго, на неже бы воспользовалися людие и пользовались. Много можетъ пользовати учительное, отъ устъ архіереевыхъ исходящее слово, но множае житіе доброе всѣхъ пользоваться сильно: гласнѣйшій бо есть гласъ дѣла, неже гласъ слова“³⁾.

¹⁾ „Посмотри... на чинъ превъсочайшій духовныи, говоритъ онъ вопроситъ бы кого (аще бы сказалъ правду): коимъ намѣреніемъ и желаніемъ пришелъ сии въ высоту пречестнѣйшаго сего духовнаго сава?.. Понистигъ нашелся бы не одинъ, иже не толь славы ради и чести Божіа, яко же прославленія ради своего и чести ради въ той санъ прииде, не толь людямъ пользы, оливо себѣ ница корысти. Не прииде послужити спасенію душъ человѣческихъ, но да служать его власти поподначальнымъ. не прииде быти отецъ и пастырь, но господишъ и владыка“... Соч. т. II, стр. 183.

²⁾ „Будетъ кто отъ овецъ бодръ, а пастырь лѣнливъ: овца постанетъ чужае, а пастырь разбѣненіями на вся учреждается: овца угождаетъ Богу, а пастырь суетнымъ угождаетъ человѣкомъ или своему чреву овца проходитъ путь тѣсепъ и прискорбень, а пастырь путемъ пространнымъ шествуетъ: таковъ пастырь не предъ овцами ходитъ, но овцы предъ нимъ идутъ и предваряютъ его въ небесное цѣлство“... Соч. т. II стр. 75.

³⁾ Соч. т. III, стр. 342. Изъ частныхъ чертъ высокаго нравственнаго облика пастыря: доброго святителя отмѣчаетъ смиреніе и величепріят

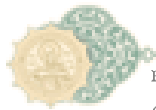
„Третіе знаменіе добраго пастыря есть еже душу свою за врученныя себѣ овцы полагати“. Къ этому евангельскому требованію святитель Димитрій дѣлаетъ такое, повидимому простое, но въ дѣйствительности очень характерное добавленіе: „аще пастыреви повелѣвается души своей не щадѣти овецъ ради, коньми нате подобаесть ему имѣнія своего не жалѣти, но въ милостыню истощати овцамъ нищимъ и убогимъ, спрымъ и вдовицамъ, больнымъ и страннымъ“¹⁾. Черта характерная, какъ вполне отвѣчавшая — такъ-же, впрочемъ, какъ и все другія — пастырскому облику самого святителя Димитрія, и его убѣжденіямъ и его дѣятельности. Поэтому онъ съ особенною настойчивостію и убѣдительностію развиваетъ ее и въ другихъ мѣстахъ своихъ поученій. „Самъ святительства отъ Господа на земли учиненъ есть, говоритъ онъ, не ради упокоенія и прохлады, но да множайшія труды святитель подѣмлетъ выну, о всехъ спасеніи пекийся; не собирающа разнъ богатствъ, но да питаетъ алчущія, одѣваетъ наготѣвующія; *имѣнія бо церковная суть имѣнія нищихъ*“²⁾.

Въ своемъ изображеніи идеальнаго архипастыря святитель Димитрій проводитъ прекрасное, взятое изъ св. Писанія, сравненіе его съ небесными свѣтилами. „Свѣтила небесныя, говоритъ онъ, на высотѣ безмѣрной Божіимъ устроениемъ поставленная, далече отъ земли отстоятъ: и архіереи

нову защиту истины Христовой. „Не того ради быти архіерею, говоритъ онъ, еже величатися, еже напычатися, сущу отъ всехъ почитаему; но да всѣми видами смиренія Христова образъ на себѣ являетъ ялицемъ; но да будетъ же поборникъ истинѣ, ни обинуясь, ни на лица зряи, всегда готовъ душу свою положить по Христѣ и по Христовѣй церкви“.. памятуя, что въ апостольскія времена „епископству послѣдоваша мученичество“: епископство часто соединялось съ мученичествомъ за вѣру. Тамъ же, стр. 340.

¹⁾ Тамъ же, стр. 75—76.

²⁾ Тамъ же, стр. 340. Курсивъ мон. См. буквально то же и въ другомъ поученіи его: тамъ же, стр. 544.

въ церковномъ небѣ не низкое содержать мѣсто, но превъсочайшее, суще образъ Сына Божія“... „Свѣтила горнія“— это какъ бы глаза на небѣ, „ва всѣхъ призирающія, на благія и злыя равнѣ сіяющія; и архіереи сугъ яко очеса церковная, бодренно и неуслыно на вѣренное имъ смотрящія стадо, и всѣхъ нужду и немощи зрящія, и о всѣхъ спасеніи пекущіяся равно, якоже о благихъ сице и о злыхъ“... Подобно свѣтиламъ небеснымъ, непрестанно совершающимъ свое „непостижное теченіе“ по установленнымъ для нихъ законамъ, „и пастыри церковніи должныствуютъ въ званіи своемъ, трудящися непрестанно ниже совратно, теши въ предложенный имъ закона Божія путь“. Наконецъ, какъ „свѣтила небесная земнымъ жителямъ свѣтять и согрѣвають я“, такъ „и архіереевъ должность есть свѣтити всѣмъ добрыми дѣлы своими, согрѣвати же любовію“¹⁾.

Такими высокими чертами изображаетъ свититель Димитрій служеніе пастырское, къ которому призванъ прежде всего архипастырь, тотъ же намѣстникъ въ церкви самого Христа и глава пастырей. Такія высокія евангельскія требованія предъявлялъ онъ поэтому прежде всего къ себѣ самому и, восхваляя, какъ образецъ пастыря добраго, св. Тихона, епископа Амазунскаго, и св. Гурия, архіепископа Казанскаго, онъ изображалъ то, что глубоко было запечатлѣно въ его собственной душѣ. По начертанный здѣсь высокій евангельскій идеалъ пастыря, по мысли святителя Димитрія, долженъ быть путеводною звѣздою не для тѣхъ только, которые занимаютъ въ церкви мѣсто „превысочайшее“: онъ одинъ и тотъ же—и по характеру служенія, и по существеннымъ обязанностямъ его—какъ для самаго главы пастырей, такъ и для cadaго изъ нихъ. Что это такъ, особенно ясно изъ спеціальнаго слова святителя „О пастырствѣ духовныхъ пастырей“, гдѣ въ своемъ анализѣ пастыр-

¹⁾ Тамъ же, стр. 335—336.

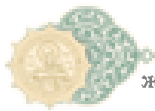
скаго служенія онъ имѣетъ въ виду пастыри вообще, обращается ко всѣмъ, „имъ же паства словесныхъ овецъ отъ Бога ввѣрися,—архіереи и іереи, и прочіи духовнаго чина начальники, душъ человѣческихъ пастыри и правители“¹⁾. Это слово святителя Дмитрія—классическое въ русской пасторологической литературѣ того времени. Какъ написанное съ спеціальною цѣлью выяснить, „какову словесныхъ овецъ пастырю быть подобаетъ“²⁾, слѣдовательно—заключающее въ себѣ пастырскія воззрѣнія святителя Дмитрія въ наиболѣе цѣльномъ видѣ, слово это заслуживаетъ на него особаго вниманія, и потому я не могу не остановиться на немъ подробнѣе.

Дѣло пастырства „не точію труда, но и искусства велика требуетъ“. Если о пастухѣ бесловесныхъ животныхъ Іаковѣ говорится, что онъ „бысть во дни жегомъ зноемъ, въ нощи студенію померзая, ниже дая сна очима своимъ“, то какихъ же трудовъ требуетъ дѣло пастыри человѣческихъ душъ, искупленныхъ кровію Сына Божія! Здѣсь пастыри ожидаютъ и трудъ несравненно большій и искусство неизмѣримо великое. Вотъ основное положеніе, изъ котораго исходитъ святитель Дмитрій, рѣшая вопросъ: каковъ долженъ быть „словесныхъ овецъ пастырь“? И первое требованіе, какое прелъявляетъ онъ къ пастырю, относится къ уму послѣдующаго.

Чтобы взяться за такое дѣло, прежде всего нужно обладать умъ, достаточно развитымъ путемъ образованія, частію—образованіемъ религіознаго. „Вначалѣ убо подобаетъ быти пастырю *разумну, учительну*“, говоритъ святитель Дмитрій. „Како бо вразумитъ неразумѣющаго, аще самъ неразуменъ будетъ? Како научитъ неумѣщаго, аще самъ неучителенъ будетъ? и како учителенъ мо-

¹⁾ Соч. т. III, стр. 526.

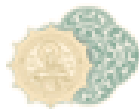
²⁾ Тамъ же, стр. 527.

жетъ быти, егда самъ *неучень, ни вѣдый силы Свѣтаго Писанія?*"¹⁾ Среди даровъ Духа Свѣтаго, которые по пророчеству Исаи (XI, 2—3) почіють на обѣщанномъ великомъ пастырѣ Израіля Мессіи, первое мѣсто занимаетъ Духъ *премудрости и разума*: „да вѣдомо будетъ намъ, яко всякъ пастырствуя надъ людьми Божиими... вначалѣ имать стяжати духовную премудрость, смыслъ, учительскій разумъ... Да будетъ премудръ ко ученію, къ наставленію, ко увѣщанію, ко обличенію непокорныхъ. Не имый же *Духа премудрости* и смысла, не сокровиществуя въ устахъ своихъ разума, нѣсть достоинъ пастырскаго сана“ Въ Ветхомъ Завѣтѣ первому архіерею Аарону Богъ повелѣлъ придѣлать по краю его первосвященнической одежды „звонцы златыя“, чтобы слышенъ былъ звонъ ихъ, когда онъ входилъ въ святилище и выходилъ изъ него,—„да не умретъ“. Но Ветхій Завѣтъ былъ прообразомъ Новаго, и священство его—нашего священства. Поэтому звонки Аарона, по объясненію св. Григорія Двоеслова, „знаменоваху гласъ ученія святительскаго, яко подобаетъ архіерею, такожде и іерею не нѣму быти и уже не звонцы, но усты и языкомъ гласовати, учаще и вразумляюще люди Божія“. И какъ ветхозавѣтному первосвященнику, если бы онъ осмѣлился войти во святилище безъ звонковъ, угрожала смерть, такъ и новозавѣтнаго пастыря, „звонцовъ разума и премудрости духовной не имущаго, ни могущаго учить Христова стада“, ожидаетъ „особая нѣкая, аще и не тѣлесная, обаче духовная смерть... Мертвъ есть предъ Богомъ той, иже имя токмо и санъ пастырства носитъ, а должности пастырской не исполняетъ: должность же пастырская первая есть та, еже учить полезно, грѣхи человѣческія истребляючи, на путь же спасенія наставляючи“²⁾. Итакъ, умъ просвѣщенный изученіемъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 527.

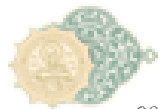
²⁾ Тамъ же, стр. 528—53

книжнымъ“ и, въ частности, „вѣдущій святаѣ Писаніѣ“,— вогь первое, по ученію святителя Димитрія, требованіе отъ пастыря, вытекающее какъ изъ сложности и трудности его дѣла вообще, такъ въ частности и изъ первой обязанности его служенія—пастырскаго учительства.

Но одного умственнаго развитія и „учительскаго разума“ здѣсь далеко еще не достаточно, и святитель Димитрій подробно останавливается на другомъ, уже знакомомъ намъ требованіи отъ пастыря: послѣднему нужно быть „не токмо... разумну, въ Божественномъ Писаніи искусну и учительну, но и *житіємъ добродѣтельнымъ и святу*; не долѣетъ бо словесныѣ овцы учить токмо словомъ, но и добраго по Богѣ житія образомъ“¹⁾. Пастырь самъ долженъ исполнять то, чему учить другихъ, иначе онъ не сумѣетъ и научить ихъ. „Научить ли инѣя творити добрыхъ дѣлъ, самъ злая творий? Управитъ ли кого добрѣ въ царство небесное, самъ идый во адъ?“ Слово такого пастыря не можетъ быть дѣйствительно. „Глаголай, а не твори, подобенъ есть грому, на облацѣхъ во время суши безъ дождя бывающему. Какъ польза отъ возгремѣніѣ облачнаго, аще жаждающей землѣ не изпитается дождь? Кое умиленіе душамъ отъ учителя гласа, аще житіємъ не пользуется, но паче соблажняетъ? слово бо безъ образа добродѣтельнаго житія нѣсть дѣйственно“. Кто хочетъ поднять падшаго, тотъ самъ долженъ твердо стоять; кто желаетъ заблудшаго вернуть на путь правый, самъ долженъ „предъидти“ таковымъ. Итакъ, „долженъ пастырь во устахъ имѣти слово учительное и хранити житіе ангельское, святое, непорочное“, потому что одно дурное дѣло его, „въ явленіе пришедшее, тмы народа соблазнитъ“. Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ отъ пастырей требовалась и добрая жизнь по Богѣ. „Дамъ вамъ пастыри по

¹⁾ Тамъ же, стр. 532. Курсивъ мой.

сердцу Моему", говоритъ Іегова Израилю, а „быти по сердцу Божию—еже творити вся хотѣнія Его". Тѣмъ болѣе необходимо это пастырю новозавѣтному¹⁾.

Но въ наставленіи словомъ и въ руководствѣ примѣромъ собственной жизни далеко еще не все дѣло пастыря. Это, можно сказать, лишь методы, пути пастырства: сущность же, самая душа его не въ нихъ. Движущая сила, побуждающая пастыря и къ учительству и къ строгой внимательности къ личной жизни, это—*„попеченіе велие о стадѣ“*. На него и указываетъ датѣ свититель Димитрій. Къ этому неусыпному попеченію, неустанной заботливости о пасомыхъ обязываетъ пастыря страшная ответственность его служения. „Страшно слово Господне во Іезекииловомъ пророчествѣ на нерадивыхъ пастырей слышится“, а это слово приложимо и къ новозавѣтнымъ пастырямъ, которые должны внимать, „коль грозно имать Богъ истязати пастырей о пакоствѣ ихъ“²⁾.

Это попеченіе о стадѣ потребуетъ отъ пастыря *великихъ трудовъ*, потому что онъ долженъ будетъ „всѣхъ бремена носити“. Слѣдуя притчѣ Христовой о добромъ пастырѣ, онъ долженъ будетъ „рамена своя подложити вѣренной себѣ овецѣ, носити тяготу ея“. И не только подобно пастуху безсловеснаго стада, но подобно матери, которая носитъ дитя свое и сама питаетъ его, — „такъ да носить духовнѣ пастырь словесныя орцы, духовною пищею аки младенцы млекою я питаю“ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставитъ безъ вниманія и внѣшнія нужды ихъ. Все это потребуетъ отъ него неисчислимыхъ трудовъ: найти заблудшаго, поднять падшаго, исцѣлить израненнаго, носить немощи и тяготы обремененныхъ... и въ тоже время,—и во внѣшнихъ нуждахъ руку помощи подавати обидимымъ, заступати несп

¹⁾ Тамъ же, стр. 532—536.

²⁾ Тамъ же, стр. 537.

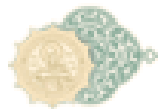
винныя, лежаша о убогихъ и нищихъ, и иная духовная церковная управленія добръ строить“. И горе пастырю, который „труда подобающаго не подыметъ, иже своею токмо корысті взыскуетъ, себе токмо пасетъ, а о овцахъ не радитъ“. Такимъ пастырямъ воздастся „въ послѣдній день, въ часъ грознаго испытанія“: „за сладкія снѣди лелынь, за сладкія питія желчь“¹⁾.

Но никакіе труды и никакія тяготы не должны лишать пастыря *бодрости*, той особой крѣпости душевныхъ силъ, которая такъ необходима ему въ его многотрудномъ служеніи. Пастырь это стражъ, поставленный оберегать порученное ему стадо, подобный стражу города или полка. „Не спитъ стражъ стрегій поцію: не подобаетъ и духовнаго стада пастырю сонливу быти“. Образъ такого бодрого пастыря нужно видѣть въ херувимахъ—шестокрылатыхъ, четвероликихъ, многоочитыхъ, которыхъ видѣлъ у престола Божіи св. Іоаннъ Богословъ. Пастырь долженъ быть противъ волковъ, нападающихъ на стадо, „крѣпокъ, аки левъ“; трудолюбивъ въ своемъ дѣлѣ, „аки волъ“; „милостивъ и сострадателенъ, аки человекъ; умомъ же Богомысленнымъ высокопаренъ, аки орелъ“. Подобно херувимамъ многоочитымъ „и пастырь долженъ многоочитъ быти“;—зорко наблюдать настоящее и предвидѣть будущее, вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно смотрѣть и внутрь собственной души, чтобы, указывая путь другимъ, самому не упасть въ яму²⁾.

Въ виду такихъ трудностей и такой страшной ответственности пастырскаго служенія, святитель Димитрій предостерегаетъ отъ недостойнаго и легкомысленнаго принятія его, причемъ указываетъ примѣры изъ временъ древней церкви, когда „мнози отъ святыхъ бѣлаху пастырскаго сана“—изъ благоговѣйнаго страха предъ нимъ; съ другой

¹⁾ Тамъ же, 537—540.

²⁾ Тамъ же, стр. 540—542.

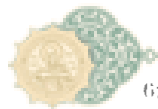
св. ДИМИТРИЙ РОСТОВСКІЙ.

стороны, въ современной ему русской жизни онъ наблюдаетъ противоположное явленіе, когда люди недостойные, по низменнымъ побужденіямъ, „многимъ попеченіемъ и святокупствомъ санъ той пріяти тцается“¹⁾.

Таково содержаніе этого слова святителя Димитрія „О паствырствѣ духовныхъ паствырей“. Какъ видимъ, это цѣльный пасторологическій трактатъ, написанный прямо на тему о трудности и отвѣтственности паствырскаго служенія. При этомъ послѣднее разсматривается по существу, какъ дѣло *паствырски-воспитательное*. Въ христіанскомъ воспитаніи человѣческихъ душъ, ввѣренныхъ паствырю, сущность этого служенія. Къ своей высокой цѣли паствырь долженъ идти путемъ словеснаго наученія пасомыхъ и руководства ихъ примѣромъ собственной жизни, отдаваясь всецѣло непрестанному всеобъемлющему попеченію о нихъ. Паствырское „душепопеченіе“ (древне-отеческое „*pastoralis cura animarum*“)—вотъ центральный пунктъ, самое ядро, душа паствырскаго служенія. Въ этомъ и главная трудность его, а не въ богослужебной сторонѣ его, которой совершенно даже и не касается здѣсь святитель Димитрій.

Какъ характерную черту этого слова нужно отмѣтить, далѣе, отвлеченный, по преимуществу теоретическій характеръ его. Элементъ современности, въ смыслѣ наглядныхъ примѣровъ и иллюстрацій изъ окружающей современной жизни, здѣсь очень незначителенъ. Трактатъ написанъ въ духѣ и стилѣ классическихъ твореній этого рода древне-отеческихъ и именно восточныхъ: тотъ же идеальный подъемъ высоко-христіанской мысли и благоговѣйнаго чувства, тотъ же методъ анализа вопроса и тотъ же пріемъ обоснованія развиваемыхъ положеній на Свѣц. Писаніи, съ широкимъ использованіемъ ветхозавѣтныхъ и по преимуществу пророческихъ мѣстъ. Встрѣчаются частыя ссылки

¹⁾ Тамъ же, стр. 543—545.

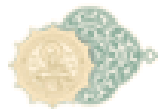

на св. Иоанна Златоуста, но не на его классическое *Περὶ τῆς εὐσεβείας*. Для насъ слово это представляетъ особенную цѣнность, какъ раскрывающее съ полною ясностью пастырскія воззрѣнія автора его.

Въ такихъ чертахъ представляются намъ пастырская дѣятельность святителя Димитрія, его ученіе о пастырствѣ и весь обликъ его, какъ великаго, воистину *доброго* пастыря земли Ростовской. Худенькій, небольшого роста, сутуловатый, съ маленькой книжообразной бородкой, въ очкахъ, въ шерстяной ряскѣ любимого темновозеленнаго цвѣта—вотъ и вышшіи черты его¹⁾. Великій подвижникъ, въ часы святого религіознаго самоуглубленія возносившійся всею душею къ Богу, неустанный ученый труженикъ, познавшій всю глубину наслажденій литературнаго творчества, онъ не замыкнулся въ себѣ, не отгородилъ себя отъ міра непроницаемою броней архипастырскаго величія и ученой недоступности; нѣтъ,—онъ любилъ человѣка и особенно бѣднаго простаго человѣка; онъ глубоко страдалъ о его несчастной жизни, погрязшей во тьмѣ невѣжества, нищеты, неправды и зла, и вотъ эта любовь и сдѣлала его истиннымъ пастыремъ.

„Ублажаете, Преосвященство ваше, удивленіе,—писать онъ своему другу, Стефану Лворскому (въ первыхъ числахъ января 1708 г.),—ублажаю и азъ. Но и святого Макарія Египетскаго разсужденіе не худо, который о пустынникахъ и о труждающихся во градѣхъ и для людской пользы пишетъ еще: *овцы* (пустынники), *имущи благодать, о себѣ только пекутся; нныя же* (учители и слова Божія проповѣдники) *иныхъ души пользоваться тщатся: сіи оныхъ много превышаютъ*. Подвизайся о укрѣпленіи вась Иисусъ, подвижники Христовы! Время сіе не по случаю какому наложися вашему? Святительству, по смотрѣніемъ Божиимъ..

¹⁾ И А. Шляпкинъ, цит. соч., стр. 355.

Про Христово благо носиши: буди и *бремя Ею вамъ легко*" ¹⁾. Такъ смотрѣлъ святитель Димитрій, конечно, и на себя самого. И легко было для него это великое тяжкое бремя пастьерства. Для себя лично онъ вѣдь не искалъ въ жизни ничего—никакихъ благъ земныхъ. Отъ юности, „отвележе бо пріяхъ святыи иноческій образъ... даже до приближенія моего ко гробу, не стяжевахъ имѣнія и мшелоимства, кромѣ книгъ святыхъ“,— читаемъ въ замѣчательномъ духовномъ завѣщаніи его, гдѣ онъ умоляетъ „помянути грѣшную душу“ его въ молитвахъ „*безденежно*“— „*Бога ради*“ ²⁾. Это былъ сознательный, убѣжденный безсребренникъ, всѣ скудные средства свои раздававшій бѣднымъ, „на нужды нуждныхъ“ ³⁾,— митрополитъ нищій, по смерти своей въ архіерейской казны оставившій 39 р 20 алтынъ ⁴⁾. Зато какія духовныя цѣлности остались отъ него Россіи!

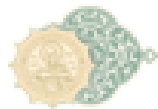
Этотъ, повидимому, немощный, безсильный, хворавшій человекъ не зналъ отдыха отъ постоянныхъ непрерывныхъ трудовъ—притомъ самыхъ разнообразныхъ. Мы отчасти видѣли, что сдѣлано было имъ въ Ростовѣ, уже на остаткѣ дней его. Но мною указано далеко не все. Я совершенно не касался того литературнаго труда его, который одинъ обезсмертилъ бы имя его, — *Четь-Миней*; между тѣмъ послѣдняя четверть ихъ была написана здѣсь же, въ Ростовѣ. А сколько мелкихъ, случайныхъ литературныхъ произведений написано имъ въ этотъ же періодъ! Духъ его не зналъ усталости; въ умѣ рождались все новыя и новыя планы. „Не можете скоро писать,—жалуется онъ въ письмѣ Θεодору Поликарпову 8 ноября 1708 года,—не токмо за трудностію дѣла, но и за моею немощію: часто изнемогаю... А къ тому очи видя мало видятъ и очки не много помогаютъ, и рука пи-

¹⁾ Соч. ч. I, стр. 344.

²⁾ Тамъ же, стр. 31.

³⁾ Тамъ же,

⁴⁾ Н. А. Шлякинъ, цит. соч., стр. 320.

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

пущая дрожить, и вся хранина тѣла моего близъ разореніи“... И однако, не смотря на всѣ эти немощи и недуги, неустанный труженикъ летить мыслью все впередъ и впередъ: онъ мечтаетъ, окончивъ „Пѣтописца“, приняться еще за псалтирь, „еже вкратцѣ изъяснити ю толкованіемъ“ и все съ тѣми же пастырскими цѣлями ¹⁾. Такъ, не смотря на немощь тѣла, уже близкаго къ разрушенію, духъ его горѣлъ и горѣлъ.

И горитъ онъ и сейчасъ предъ нами—въ великихъ, безсмертныхъ литературныхъ трудахъ его, въ святыхъ молитвахъ его о насъ и въ той благоговѣйной памяти, какую воздаемъ мы этой красѣ и гордости вашей Almae Matris.

Н. Макавейскій.

¹⁾ Соч. ч. I, стр. 348—349